

Ксения Пономарева: «Из-за этого «Времени» нет времени выспаться»

ПЕРСОНА

Ксения Пономарева окончила филологический факультет МГУ. До работы на телевидении была главным редактором «Коммерсанта». Сейчас возглавляет информационное вещание ОРТ. В декабре 1996 года вошла в совет директоров компании. Известна независимым стилем работы. В последнее время считается одним из претендентов на должность генерального директора ОРТ.

— Трудно было менять работу?

— Нет. Я не вижу большой разницы между газетой и телевидением. Просто надо уметь организовывать процесс — я умею. Мне, конечно, не все равно, какой процесс организовывать. Я вряд ли смогла бы руководить трубопрокатным заводом. При этом мне достаточно быть менеджером, а не «хозяином». Хотя в свое время занималась и бизнесом, но без особого удовольствия. Не люблю этим заниматься, тем более русским бизнесом, где все держится на «нужных» контактах.

— Почему вы ушли из «Коммерсанта» с хорошей должности?

— Ушла и ушла, в один день. Решила, что больше не хочу там работать. Работу надо менять каждые три года.

— Вы и эту должность оставите, когда надоеет?

— Обязательно. Всенепременно. Я не карьерно ориентированный человек. Все удивились, когда я попросила назвать свою должность «главным продюсером» — раньше мою нынешнюю работу делали два человека: директор и главный редактор. Я не воспринимаю работу как пик карьеры, я на нее соглашаюсь или нет, потому что мне это интересно или нет.

— Ксения, вы руководите информационным вещанием первого канала. Как чувствует себя женщина на таком посту?

— Я не вижу принципиальной разницы между женщиной или мужчиной на этом месте. Не вижу никакой половой специфики.

Возможно, кому-то было психологически тяжело оказаться под моим началом, особенно мужчи-

нам старше меня, но они постарались этого не показывать. В конце концов это их проблемы, а не мои.

— С вашим приходом связывали надежды на перемены в информационном вещании первого канала не только по форме, но и по содержанию.

— Изменения произошли, но постепенно, поэтому достаточно незаметно. Человек, который смотрел «Время» полтора года назад, а потом не смотрел, увидит, что теперь это другая программа. Я действительно в какой-то момент — примерно год назад — всех перепугала: завтра все будет по-иному. Нужно было привлечь внимание к программе, которая, несомненно, потеряла свою репутацию в период кончины «Останкино». С появлением ОРТ все стало меняться к лучшему, хотя бы потому, что из эфира сразу убрали всю откровенную «джинсу» (скрытую рекламу). Сказали: ну что, ребята, заработали на это, на то, еще на пару колечек жене? Все, остановитесь. Те, кто не может остановиться, уйдут. Но я по-прежнему убеждена, что построить заново проще, чем переделывать.

— Да, я знаю, что вы планировали пойти по пути НТВ, то есть набрать новую команду из молодых перспективных ребят, но этого не случилось. Почему?

— Для многих людей путь сюда был очень непростым. Редакция информации ЦТ — это ой-ой, что было в те времена. Я человек иной формации, чем подавляющее большинство людей, которые здесь работают. Но существует коллектив. Я смотрю на человека и думаю: может, он не очень хорошо работает, но его еще можно научить. Нельзя уволить всех — нужно попытаться работать с теми людьми, которые есть, потому что... потому что они люди. Однако процесс смены генерации здесь все-таки идет. Думаю, к лету завершится.

— Но здесь, я вам скажу, даже стены мешают. Это очень нехорошее место... Здесь очень много гадкого происходило, и грызня всегда была мерзкая. Мне до сих пор трудно работать с людьми,

которые были журналистами в советские времена, трудно...

— С чем было связано появление на канале Арины Шараповой и Сергея Доренко?

— Арина — это определенный образ: светлый, ясный... Знак перемен на канале.

А Доренко... У канала не было аналитической программы, канал думал, как ее делать. Ставить на аналитическую программу никому не известного человека — это глупо, он ведь автоматически попадает в конкуренцию с мэтрами. ТВ-6 может себе позволить взять юного мальчика и растить его. Мы — нет. Нужно было брать человека, который имеет репутацию. Сколько таких людей? По пальцам можно пересчитать. Поэтому, когда появилась возможность договориться с Доренко, мы договорились. А его репутация человека склочного оказалась сильно преувеличенной: есть большая разница между продажей программы и работой в штате.

— Как бы вы сами распределили места между основными информационными программами?

— Я не могу раздавать места, потому что вижу свои недостатки и чужие достоинства. Тем не менее у программы «Время» все равно самый большой рейтинг — это специфика первого канала. Наша программа ближе широким народным массам не потому, что она глупее, а потому, что она понятнее. Реально рейтинги располагаются так: «Время», «Сегодня»

и — «Вести» с большим отрывом.

Информационные программы НТВ — это в первую очередь программы влияния. Мы же рассматриваем себя и как программу влияния, и как программу, которая должна объяснять, что к чему тем людям, которых «программы влияния» в расчет не принимают. При том, что я понимаю, если бы у меня был такой корреспондентский корпус, как у НТВ, я бы уходила домой в семь часов вечера и не ходила бы сюда по субботам и воскресеньям. Но не забывайте, что НТВ уже три года, из которых первый год сейчас смешно смотреть самим же энтэвэщиками. Но они вышкололи своих корреспондентов, мне же их еще нужно школить.

— Произошли ли какие-то изменения в информационной политике канала после того, как Столичный банк сбережений стал акционером ОРТ?

— Столичный банк сбережений всегда был акционером ОРТ. Другое дело, что теперь произошла консолидация мелких пакетов акций негосударственных инвесторов в один. Держателем этого пакета является компания «ОРТ-Консорциум Банков», 8% — у «ЛогоВАЗа» и 3% — у «Газпрома». Частные акционеры ОРТ всегда демонстрировали цивилизованное отношение к своей собственности — телекомпания. Не оказывают на нее давление, хотя вправе рассчитывать, чтобы их интересы учитывались. Они и учитываются в определенной степени.

— В чем выражается определенная степень учета интересов акционеров?

— К счастью, идеология наших акционеров совпадает с корпоративной идеологией канала, поэтому все их начинания серьезного масштаба мы обычно поддерживаем. Это нормально, и бросьте камнем в того, кто скажет, что это не так.

— Какие программы вы сами смотрите, какие любите?

— Ничего, кроме новостей, не смотрю. Дней пять у меня на столе была приклеена записка: «Посмотри отбывки РТР». Я уже в газетах во всех прочтала, но по-

смотреть так и не смогла. Зато газеты я читаю все, и насквозь. Правда, сошло на нет дружеское общение и культурная жизнь. Пойти в театр к семи часам — это почти невозможно. Я хожу в театр в лучшем случае два раза в год. Перестала читать, потому что просто нет сил. У меня рядом с кроватью лежит английская книжка, я прочитываю пять страниц вечером (точнее, ночью), пока не ткнусь носом в подушку и не усну. Если ты не способен читать ничего, кроме беллетристики, то хотя бы читай ее по-английски.

— Получается, у вас совсем не остается времени для личной жизни, для семьи, для дома...

— Получается. Времени нет.

— Ну и как же?

— Как, как? Плохо. Гувернантка, домработница. Раз в неделю в магазин, в пол-одиннадцатого вечера — двадцать процентов ночная накрутка, зато все можно купить. С детьми общаюсь по телефону. Говорю им: потерпите, я не всю жизнь буду здесь работать.

— Дети еще маленькие?

— Сыну — четырнадцать, дочери — двенадцать. Судя по тому, как подвешен язык у моего сына, ему точно надо быть адвокатом. Способен отстаивать свою точку зрения часами, пока все не сдадутся: хотя бы потому, что им надоело.

— Значит, работа сейчас для вас самое главное в жизни?

— Если в какой-то момент жизни я вынуждена уделять работе больше времени, чем детям, то это потому, что так сложилось, а не потому, что это моя позиция. Потом я могу полгода не работать, а потом буду ткать голубены или делать глиняные плошки — этому меня тоже учили, а потом еще что-нибудь... А вообще-то важнее всего — моя бессмертная душа, а не работа или что-нибудь еще...

— О чем вы мечтаете?

— Выспаться. Я сова, и в принципе не могу уснуть раньше двух часов ночи. Поэтому сплю максимум пять часов. В зеркало смотреть не хочется. Здесь стареешь быстро: день идет за три. И любую женщину это волнует...

Беседовала Элеонора КЕЛЛЕР